

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии**

Книга II (42)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга II (42) / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 174 с.

ISBN 978-5-458-04691-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04691-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ.

ГЛАВА I.

Жизнь О. Конта и генезисъ его системы.

Наступила, повидимому, пора болѣе благопріятная для оцѣнки Конта. Прошло пятьдесятъ лѣтъ съ выхода въ свѣтъ его знаменитаго труда и за это время успѣли смолкнуть побѣдоносные клики его восторженныхъ сторонниковъ и страстные протесты противниковъ, опасавшихся за самые священные и дорогіе имъ интересы. Законъ „трехъ состояній человѣчества“, отсѣкавшій прошлое съ его религіей и философіей отъ настоящаго, отмѣченного господствомъ *позитивизма*, утратилъ свою силу: онъ уподобился старинному мечу, цѣнному въ глазахъ археолога, какъ памятникъ минувшей культуры, но уже не призванному служить орудіемъ въ „сѣчѣ мужей“. Благодаря выходу въ свѣтъ новыхъ біографическихъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій, полнѣе обрисовалась личность Конта и выяснился характеръ его жизненнаго подвига въ общей связи съ эпохой и средой, его обусловившей. Система Конта стала достояніемъ исторіи, какъ явленіе прошлаго, и этотъ ея *историческій* интересъ возрастаетъ для историковъ по мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ для нихъ ея *теоретическое* значеніе.

Въ трехъ отношеніяхъ система Конта представляетъ интересъ для историковъ: въ виду его взгляда на научное изученіе исторіи и законовъ въ ней проявляющихся; въ виду общаго обзора всемірной исторіи, составленнаго Контомъ,

и въ виду историческаго генезиса самой системы. Трудно указать другую философскую систему, въ которой играли бы такую роль личность ея творца и историческій моментъ ея появленія. На этомъ основаніи всякой теоретической опѣнкѣ этой системы должно предшествовать знакомство съ личностью автора и съ вліяніемъ среды, ея породившей.

Огюсть Контъ родился въ 1798 г., т. е. на исходѣ революціи, а когда онъ вступилъ въ возрастъ самостоятельнаго мышленія, Франція переживала реставрацію. Въ 1814 г. была восстановлена на престолѣ историческая династія Бурбоновъ, но гораздо еще раньше началась во Франціи другая реставрація въ болѣе общемъ и обширномъ смыслѣ этого слова.

Съ первыхъ годовъ XIX вѣка стали возвращаться эмигранты, а потомъ, по учрежденіи имперіи, была восстановлена титулованная аристократія. Еще важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было восстановление въ 1802 году уничтоженной якобинцами церкви, какъ особаго религіознаго учрежденія, поддерживаемаго государствомъ. Церковь была восстановлена посредствомъ конкордата, т. е. въ силу особаго соглашенія съ папою, слѣдствіемъ чего было большее чѣмъ прежде подчиненіе галликанской церкви папѣ и большее приближеніе ея къ средневѣковому теократическому идеалу. Въмѣстѣ съ этимъ восстановленіемъ прежнихъ учреждений происходило во Франціи и возвращеніе значительной части самого общества къ прежнимъ чувствамъ и идеаламъ, и потому рядомъ съ политической реакціей по направленію къ „старому порядку“ мы замѣчаемъ и въ области литературы полное самоувѣренности движеніе къ средневѣковому міровоззрѣнію — съ отрицаніемъ не только результатовъ французской революціи, но и всей просвѣтительной философіи, какъ причины революціи. Самымъ краснорѣчивымъ и вліятельнымъ проводникомъ католическаго романтизма во Франціи былъ извѣстный графъ Жозефъ де Местръ, произнесшій уже въ 1796 году въ своихъ *Considérations sur la révolution française* приговоръ надъ революціей во имя тео-

кратическаго міровоззрѣнія, а въ 1819 году формулировавшій въ сочиненіи *Le Pape* идеалы католической школы, признавъ возстановленіе единой, непогрѣшимой власти римскаго епископа надъ міромъ единственнымъ средствомъ спасти челоуѣчество отъ нравственнаго паденія и политической анархіи.

Но чѣмъ безмѣрнѣе развивались католическіе идеалы и чѣмъ смѣлѣе выступали притязанія реакціонной партіи, тѣмъ сильнѣе снова оживали поклоненіе просвѣтительной философіи XVIII вѣка и энтузіазмъ къ принципамъ революціи 1789 года. Сочиненія вождя философскаго раціонализма, Вольтера, перепечатывались и распространялись въ несбыломъ количествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическіе и республиканскіе идеалы „Общественнаго договора“ снова стали находить себѣ въ французскомъ обществѣ горячихъ приверженцевъ. Іюльская революція 1830 года, положившая конецъ реакціоннымъ затѣямъ, утвердила принципъ англійскаго конституціонализма, но послѣдній многихъ уже не удовлетворялъ и постоянные заговоры и возстанія указывали на ростъ какъ соціалистическихъ идей, такъ и чисто республиканскихъ стремленій.

Среди этихъ двухъ теченій — средневѣковой традиціи, вдохновлявшей политическій консерватизмъ, и раціонализма XVIII вѣка, руководившаго либеральной школой, — развивался Контъ. Вліяніе каждаго изъ этихъ двухъ направленій Контъ въ молодости испыталъ на себѣ. Съ первымъ изъ нихъ Контъ былъ связанъ семейнымъ преданіемъ, ибо происходилъ изъ семьи, строго державшейся католическихъ и монархическихъ убѣжденій; а впослѣдствіи Контъ находился подъ очевиднымъ обаяніемъ сочиненій талантливаго поборника теократическаго идеала, графа Жозефа де Местра. Съ другой стороны, въ образованномъ французскомъ обществѣ его времени жива была память идей и принциповъ, произведшихъ французскую революцію, и руководителемъ Конта въ умственной жизни былъ одинъ изъ крупныхъ представителей философіи XVIII вѣка, поклонникъ и біо-

графъ Вольтера,—Кондорсе. Не щедрый на похвалы Контъ всегда съ уваженіемъ ссылался на авторитетъ Кондорсе и признавалъ его однимъ изъ немногихъ своихъ предшественниковъ.

Среди этихъ двухъ противоположныхъ направленій Контъ пошелъ своимъ путемъ. Этотъ путь былъ ему прежде всего указанъ его образованіемъ. Онъ былъ воспитанникомъ Политехнической школы, которая не только дала ему твердый запасъ знаній въ области математическихъ наукъ, не только опредѣлила его призваніе—онъ былъ много лѣтъ репетиторомъ и экзаменаторомъ при Политехнической школѣ,—но и дала опредѣленное направленіе его уму. Основанная Конвентомъ въ 1795 г. послѣ паденія террора и какъ бы завершившая собою эру политической „метафизики“, за которую Мирабо обвинялъ Сіеса, Политехническая школа должна была направить цвѣтъ французской молодежи къ точнымъ знаніямъ, къ *наукамъ* (les sciences) *по преимуществу*, какъ называютъ французы математическія и физическія знанія.

Но это была лишь почва. Политехническая школа давала ему знаніе и направила его умъ къ наукѣ, но эта наука не представляла собой доктрины, не была міровоззрѣніемъ. На пути къ такому міровоззрѣнію молодой Контъ встрѣтилъ непосредственнаго руководителя, имя котораго навсегда будетъ связано съ исторіей его личнаго развитія и съ генезисомъ позитивизма — герцога Сен-Симона, основателя первой социалистической школы во Франціи и автора „Новаго Христіанства“. Въ виду тѣснѣйшей связи между Контомъ и Сен-Симономъ, знакомство съ идеями послѣдняго необходимо для пониманія системы перваго: Сен-Симонъ не только повліялъ на Конта, но и тамъ, гдѣ мысль Конта вполне самостоятельна, ученіе Сен-Симона представляетъ поучительную аналогію съ системой Конта. Въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1818 по 1824 г. Контъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Сен-Симону и былъ его литературнымъ сотрудникомъ; лишь въ послѣдніе два года между ними стали происходить частыя пререканія. Къ концу своихъ „Lehrjahre“

у Сен-Симона Контъ написалъ въ 1822 г. брошюру, напечатанную Сен-Симономъ безъ имени автора, въ которой уже намѣчено основное положеніе позитивизма. При такомъ положеніи дѣла вопросъ о вліяніи Сен-Симона на Конта неизбеженъ въ исторіи позитивизма*). Самъ Контъ, подѣ вліяніемъ разрыва съ Сен-Симономъ, вычеркнулъ приставленное къ своему имени выраженіе „ученикъ Сен-Симона“, имъ же напечатанное на обложкѣ брошюры 1824 г. *Система позитивной политики*, а впослѣдствіи всегда отзывался очень нечувствительно о вліяніи Сен-Симона, называя его невознаградимымъ для себя несчастіемъ и въ тоже время какъ-бы отрицающа существованіе этой „пагубной связи“ (*funeste liaison*) для его „самобытнаго начала“ (*début spontané*).

Потомство будетъ иначе судить объ ихъ отношеніяхъ. Уже первый біографъ Конта, долго бывший столь близкимъ къ нему человѣкомъ, Литре, счелъ нужнымъ возбудить этотъ вопросъ и тщательно разслѣдовать его. Признавая, что „по всей справедливости“ Конта можно назвать ученикомъ Сен-Симона въ „переходную эпоху“ отъ революціоннаго настроенія къ позитивистическому т.-е. съ 1818 по 1820 г., Литре старается выгородить полную оригинальность и самостоятельность Конта, какъ создателя позитивизма, и въ этомъ отношеніи не боится даже впасть въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. Упоминая, напримѣръ, о мысли Сен-Симона, что законъ притяженія можно положить въ основаніе всѣхъ прочихъ міровыхъ законовъ и построить на немъ механическое объясненіе мірозданія, Литре говорить, что подобныя измышленія (*spéculations*) устраняютъ всякую возможность считать Сен-Симона основателемъ позитивизма, а Конта его ученикомъ; а въ другомъ мѣстѣ

*) Ему посвящено изслѣдованіе P. Janet, *Les Origines de la Philosophie d'Aug. Comte*. въ *Revue d. deux Mondes*. Т. 82 р. 593. 1887 г. Жане здѣсь почти ограничился разборомъ матеріала, собраннаго у Литре, и не воспользовался данными, которыя могъ бы извлечь изъ другого своего труда, *Saint Simon et le Saint-Simonisme*. Р. 1878.

Литре, формулируя свой взгляд на дѣло, восклицаетъ: никогда (à aucun moment) Сен-Симонъ не былъ философскимъ учителемъ Огюста Конта, а съ своей стороны Контъ не разъ (à plus d'un moment) вліялъ на колеблющуюся мысль Сен-Симона *).

Значеніе возбужденнаго біографомъ Конта вопроса выходитъ за предѣлы чисто личного интереса, дорогого для изслѣдователей Конта. Независимо отъ своей важности для біографіи и исторической оцѣнки Конта и Сен-Симона, размежеваніе между ними представляетъ интересъ для выясненія генезиса позитивизма и степени вліянія *среды* и историческаго момента на возникновеніе новаго ученія; а затѣмъ такимъ путемъ можетъ быть установленъ важный для философіи исторіи фактъ появленія новыхъ воззрѣній на исторію подъ вліяніемъ современныхъ имъ историческихъ явленій. Опредѣленіе роли Сен-Симона въ исторіи позитивизма представляетъ, правда, нѣкоторыя затрудненія; такъ, напримѣръ, одно изъ произведеній Сен-Симона, сюда относящихся, хотя и написано до знакомства съ Контомъ въ 1813 г., но появилось въ печати лишь въ 1859 г. Нужно однако предположить, что Контъ познакомился съ нимъ, когда принадлежалъ къ кружку Сен-Симона, во всякомъ жеслучаѣ слышалъ высказанныя въ немъ идеи отъ членовъ кружка. Другое затрудненіе представляетъ то обстоятельство, что Контъ несомнѣнно и съ своей стороны имѣлъ вліяніе на Сен-Симона, и нѣкоторыя изъ идей послѣдняго, высказанныя въ сочиненіяхъ 1820—1822 года, могли явиться у Сен-Симона подъ вліяніемъ послѣдняго или прямо принадлежать Конту. Не смотря однако на все это, шаги, сдѣланные Сен-Симономъ по направленію къ позитивистическимъ воззрѣніямъ на исторію, выдѣляются очень замѣтно среди блужданій этого фантастическаго, но богатаго идеями ума и обрисовываются даже во внѣшнихъ очертаніяхъ его жизни. Принадлежа по своему происхожденію и воспитанію къ феодальной Франціи,

*) Littré. A. Comte et la Philos. positive 1863, стр. 13, 79, 92.

Сен-Симонъ въ ранней юности усвоилъ себѣ принципы „философіи“ XVIII вѣка и, какъ другіе французскіе аристократы, отправился осуществлять ихъ въ Америку, сражаясь за независимость возникшей тамъ республики; потерявъ же во время французской революціи свое родовое имущество, онъ не эмигрировалъ, а примкнулъ къ новому порядку вещей, коммерческими спекуляціями составилъ себѣ состояніе и, наконецъ, потратилъ нажитое имъ богатство на служеніе наукѣ и, такъ сказать, въ погонѣ за новыми, охватившими его идеями. Онъ сталъ заниматься математическими и естественными науками, и чтобы быть ближе къ ихъ очагу, поселился напротивъ Политехнической школы, а потомъ перенесъ свой интересъ на Медицинскую школу, стараясь пріобрѣсти свѣдѣнія по физиологіи и анатоміи. Онъ сближался съ учеными въ этой отрасли науки, и объѣды, которые онъ давалъ, стараясь сдѣлаться центромъ обширной лабораторіи новыхъ научныхъ и общественныхъ идей, не мало содѣйствовали той бѣдности, въ которой этотъ неутомимый мечтатель закончилъ свою жизнь.

Основнымъ мотивомъ мечтаній Сен-Симона было убѣжденіе, что на его глазахъ совершился переворотъ въ жизни человѣчества и что онъ призванъ формулировать принципы новаго наступившаго *вѣка* и быть законодателемъ новаго общества. Совершился этотъ переворотъ, въ глазахъ Сен-Симона, въ обѣихъ сферахъ человѣческой жизни — въ общественной и въ умственной; въ первомъ случаѣ переломъ заключался въ томъ, что феодально-военный строй общества былъ замѣненъ „индустріализмомъ“, т. е. такимъ общественнымъ строемъ, въ которомъ господствовалъ промышленный капиталъ; во второмъ отношеніи наступленіе новаго вѣка ознаменовано было тѣмъ, что по формулѣ Сен-Симона на смѣну *воображенія* явилась *точная наука* (*la science*). Въ этихъ мысляхъ уже заключаются теоретическія основанія не только для переустройства современности, но и для новыхъ взглядовъ на историческое прошлое, т. е. для новой философіи исторіи. Что касается до мысли о замѣнѣ

военного быта промышленнымъ, — то въ этомъ отношеніи зависимость Конта отъ Сен-Симона не подлежитъ сомнѣнію. Контъ усвоилъ себѣ эту мысль и лишь примѣнилъ ее безъ дальнѣйшей разработки къ своей 'философіи исторіи. Но и по отношенію къ идеѣ о *смыслѣ* воображенія точными науками, въ области которыхъ Сен-Симонъ былъ дилеттантомъ, а Контъ, по своему образованію имѣлъ большое передъ нимъ преимущество, нельзя не признать, что уже Сен-Симонъ носился съ совершенно яснымъ представленіемъ о наступленіи новой исторической эры, ознаменованной преобладаніемъ въ области мысли точныхъ наукъ. Въ сочиненіи Сен-Симона, относящемся къ 1807 году, мы встрѣчаемъ такое же опредѣленіе науки и ученыхъ, которымъ потомъ руководился Контъ. „Ученый, говоритъ Сен-Симонъ — это чело-вѣкъ, который *предвидитъ*: наука полезна именно на томъ основаніи, что даетъ средства предсказывать, и по этой причинѣ ученый стоитъ выше другихъ людей“.

Въ мемуарѣ, написанномъ въ 1808 году подъ заглавіемъ „Введеніе къ научной дѣятельности XIX вѣка“, Сен-Симонъ противопоставляетъ *физицизмъ*, т.-е. міровоззрѣніе, основанное на знаніи физическихъ законовъ, *деизму* или религіозному міровоззрѣнію. Онъ заявляетъ, что первое міровоззрѣніе постепенно вытѣсняетъ второе. „Одиннадцать вѣковъ, восклицаетъ онъ, (считая ихъ съ возникновенія культуры Арабовъ), культура физицизма (*la culture du physicisme*) входитъ все болѣе и болѣе въ силу, культура же деизма все болѣе и болѣе оставляется безъ вниманія (*et celle du déisme est de plus en plus abandonnée*)“.

Въ томъ же мемуарѣ Сен-Симонъ обозначаетъ изученіе физицизма именемъ *позитивной философіи*, употребивъ впервые тотъ терминъ, которому Контъ придалъ принципиальное значеніе. Опредѣляя позитивную философію, Сен-Симонъ раздѣляетъ ее на двѣ области — физику неорганическихъ тѣлъ (*des corps bruts*) и физику тѣлъ организованныхъ — раздѣленіе, усвоенное Контомъ. Открытіе позитивной философіи и ея опредѣленіе Сен-Симонъ приписывалъ Декарту. „Де-

картъ, восклицаетъ онъ, вырвалъ скипетръ власти надъ міромъ изъ рукъ воображенія и передалъ его разуму“. Сен-Симонъ называлъ замѣчательною гипотезу Декарта о міровыхъ „вихряхъ“, оцѣнивая ее, какъ первую попытку механическаго объясненія мірозданія. Эта система, по словамъ Сен-Симона, имѣла ту неоцѣненную заслугу, что представляла собою первый *чистый* общій планъ (явленій); ни одна богословская идея не вошла въ ея составъ. Декартъ водрузилъ знамя, около котораго сомкнулись физики противъ богослововъ. Наконецъ, въ этомъ-же мемуарѣ очень ясно высказана идея *поступательнаго* движенія наукъ въ извѣстной преемственности къ научному совершенству. Какъ самая очередь наукъ, такъ и мотивъ, обуславливающий поступленіе ихъ въ очередь — большая сложность изучаемыхъ ими явленій,—у Сен-Симона тѣже, что и у Конта. „Самый знаменательный моментъ, говоритъ Сен-Симонъ, который представляетъ собою прогрессъ человѣческаго духа, тотъ, когда астрономы изгнали изъ своей среды астрологовъ. Такъ какъ химическія явленія много сложнѣе явленій астрономическихъ, человѣкъ занялся ими много позднѣе. Въ изученіи химіи онъ впалъ въ тѣ же ошибки, которыя онъ надѣлалъ при изученіи астрономіи. Но наконецъ химики отдѣлались отъ алхимиковъ. Физиологія и теперь еще находится въ неблагоприятныхъ условіяхъ, чрезъ которыя прошли астрономическая и химическая науки; необходимо, чтобы физиологи изгнали изъ своей среды философовъ, моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы изгнали астрологовъ, какъ химики изгнали алхимиковъ“. Изъ этого ясно видно, какъ далеко пошелъ Сен-Симонъ въ установленіи іерархіи или „позитивистической лѣстницы“ наукъ и что оставалось прибавить Конту для ея завершенія. Къ этому нужно еще прибавить взглядъ Сен-Симона на значеніе и роль философіи XVIII вѣка. Хотя Сен-Симонъ подробно развилъ этотъ взглядъ въ изданіи, которое начало выходить въ 1819 году (*l'Organisateur*), когда онъ уже зналъ Конта, но лежащая въ основаніи этого взгляда мысль до такой степени неизбѣжно

вытекаетъ изъ его вѣры въ свое призваніе, что Жане съ полнымъ правомъ называетъ ее коренною идеей (l'idée mère) Сен-Симона и основнымъ принципомъ его школы; а именно убѣжденіе, что наступилъ моментъ замѣнить критическую, анархическую, отрицательную и разрушительную фазу, представляемую философіей XVIII вѣка и французской революціей—другою фазой, созидательной, догматической и организационной. Реорганизация общества на новомъ основаніи была лозунгомъ Сен-Симона, а отсюда слѣдовало, что та реорганизация, которую задумала французская революція на основаніи принциповъ XVIII вѣка — была мнимая, и что заслуга революціи и философіи XVIII вѣка сводилась лишь къ тому, что онѣ разрушили прежнее общество, основанное на феодально-военномъ строѣ и религіозномъ міровоззрѣніи.

Наконецъ, отмѣтимъ здѣсь еще взглядъ Сен-Симона на средневѣковой общественный строй, на подобіе котораго онъ имѣлъ въ виду реорганизовать общество, хотя и въ иномъ духѣ, чѣмъ средневѣковой. И этотъ взглядъ Сен-Симона выраженъ также въ „Организаторѣ“; но онъ такъ органически связанъ съ экономической теоріей Сен-Симона, что нельзя оспаривать у него авторскаго права на этотъ важный моментъ въ его построеніи исторіи.

Существенной чертой средневѣкового общественнаго строя Сен-Симонъ признавалъ раздѣленіе власти между духовнымъ и свѣтскимъ началами. Свѣтская власть согласно съ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ имѣла феодальный, военный характеръ; духовная власть принадлежала церковной іерархіи и Папѣ. Эти два самостоятельныхъ *устоя* Сен-Симонъ считалъ необходимыми для всякаго благоустроеннаго общества. Однако, въ томъ обществѣ *будущаго*, черты котораго обрисовывались въ его воображеніи, основныя двѣ власти должны были находиться въ иныхъ рукахъ. Сообразно съ преобладаніемъ промышленной дѣятельности надъ воинственной, свѣтская власть должна была находиться у руководителей промышленности, — духовная